ПУБЛИЦИСТИКА

МЕЖДУ ДВУМЯ БЕРЕГАМИ

А. СОЛОДОВНИКОВ

«Я, как и вы, была занята, занята поисками правды... Когда я была молода, я, помнится, искала, чем бы мне заняться. Потом — чем мне стать. Наконец, попросту, чего мне захочется, о чем подумать, во что поверить. Я всю жизнь ждала, что кто-нибудь покажет мне путь».

Так в минуту раздумья говорит интеллигентная американка, героиня пьесы «Настанет день», принадлежащей перу современной американской писательницы Лиллиан Хеллман. О цели жизни, о путях к правде эта американка настойчиво стала думать после того, как на ее глазах произошла безжалостная расправа над бастующими рабочими.

У честных людей Запада сейчас особенно много поводов для раздумья. Человечество вступило в атомный век. Привычные представления и нормы жизни рушатся. Новая техника преодолевает время, пространство, водные и иные рубежи, в течение многих столетий казавшиеся непреодолимыми. Прогресс науки как бы объединяет всех людей земного шара под одной крышей и делает их соседями.

Что делать далее? Где дорога к лучшему будущему, к миру и безопасности? Где и за кем правда? За привычным, но уходящим в прошлое капиталистическим укладом или за тем новым, что идет с Востока, озаренное солнцем социализма, что не всегда еще понятно людям Запада и часто пугает их своей новизной и необычностью?

Для советских людей ответы на эти вопросы ясны. Они добыты практикой сорокалетней борьбы за социализм и огромным ростом культуры народа. Но на Западе много людей все еще ищет, во что поверить, много умов думает о путях к справедливости и счастью.

В основе подобных поисков лежит присущая каждому человеку, не принадлежащему к классу эксплуататоров и не развращенному ими, забота о судьбе не только своей, но и рядом стоящего. Несомненно, большинство людей на земле — людей-тружеников — не хочет благополучия и счастья, основанного на неблагополучии и несчастье других.

Людям по самой их природе свойственно стремление к истине, что равносильно стремлению открыть пути к лучшей жизни общества. Неудовлетворенность существующим положением, желание овладеть тайнами природы и постигнуть законы общественного развития всегда являлись источником прогресса. В истории бывали периоды, когда мощные силы приверженцев старого порядка преграждали дорогу силам прогресса. Вспомним, как погиб в пламени костра инквизиции Джордано Бруно, как Галилея заставили отречься от величайших открытий, как Пушкина отправляли в ссылку, Гейне лишали родины, Маркса пытались сломить, стаи его в невыносимые материальные условия, а могучую энергию Ленина сковать в сибирской ссылке. Но реакции никогда не удавалось обратить историю вспять и надолго задержать общественное развитие. После временного затора силы прогресса прорывались с новой мощью и опрокидывали плотины и преграды, воздвигнутые на их пути.

И обычно в самом жалком положении оказывались при этом те слои обще-

ства, которые пытались балансировать посредине, примирить непримиримое, уйти от борьбы. Однако между молотом прогресса и наковальней реакции долго продержаться нельзя. Приходится примыкать к определенной стороне или бесславно погибать в тисках неразрешимых и мучительных противоречий; приходится определять свое место в жизни или погружаться в болото растительного существования.

Когда знакомишься с думами и настроениями, тревогами и надеждами современной интеллигенции европейского Запада, то явственно видишь неудовлетворенность настоящим и мучительные поиски лучшего будущего. Река истории более четко, чем когда-либо, определила сейчас два берега жизни — берег капитализма и берег коммунизма. Люди на Западе давно потеряли спокойствие и уверенность. Завтрашний день не сулит им ничего хорошего. Борьба за существование становится все труднее, бессмысленность капиталистических порядков дает себя знать на каждом шагу, а зловещее жужжание американских самолетов, несущих груз водородных бомб, мешает спокойно уснуть, напоминая о подготовке ненавистной для совести человека атомной войны. Все большие честных интеллигентов Запада отрывается от капиталистического берега, ибо капитализм не может больше питать силы прогресса, вдохновлять подлинное творчество, всегда обновляющее жизнь.

Но средний человек Запада, даже очень честный в своих размышлениях о жизни, все еще опутан, и очень крепко, хитросплетениями старого мира. Всю мощную и необычайно развитую систему пропаганды капитализм направляет сейчас на то, чтобы запугать, сбить с пути, увлечь в сторону от истины людей, у которых пробуждается мысль, возникает неутолимая жажда разобраться в происходящем и хоть немного подумать о будущем.

Не допустить распространения правды о коммунизме, оклеветать нашу политику, скрыть, насколько это возможно, достижения советской науки и культуры, исказить цели социалистических стран — это стало сейчас профессией множества прислужников капитализма, усердие которых щедро оплачивается хозяевами лжеособняков мира. Их усилия уже не могут удержать сомневающихся на капиталистическом берегу. Но им все еще удается пугать недостаточно стойких и излишне доверчивых людей легендами о «коммунистическом насилии».

И вот посредине реки плывет немало людей, оторвавшихся от одного берега и не приставших к другому. Они попадают в водовороты, их подхватывает сильное течение. Они плывут, постоянно боясь утонуть. Порой берега совсем исчезают у них из виду. Они теряют ориентировку, и все у них кружится перед глазами. Тогда свою ненависть к настоящему и страх перед будущим они начинают воспринимать как канун всеобщей катастрофы. Их пессимизм окрашивает создаваемые ими произведения литературы и искусства в мрачный цвет безысходности. Они не могут понять жизнелюбия и жизнерадостности людей социализма и на оптимизмах нашего творчества спешат наклеить ярлык «казенный». Им претит фальшь и лицемерие трубадуров капитализма. И все же визгливый, истошный крик буржуазной пропаганды мешает им услышать ясный и спокойный голос социалистического Востока. Растерянные и испуганные, они продолжают нестись посредине реки жизни.

Год назад антисоветский визг в связи с венгерскими событиями достиг своего апогея. Могло показаться, что он окончательно заглушил голос совести у многих людей Запада. Они, казалось, всерьез качнулись вправо и усиленно начали грести к старому берегу. В спешном порядке были тогда односторонние разорваны многие соглашения о культурных связях Запада и Востока, были отменены уже объявленные взаимные визиты и посещения. Спешно начала воздвигаться стена культурной изоляции, причем вдохновителям этого она казалась прочной и сооруженной надолго.

Прошло не больше года, и свежий ветер с Востока вновь разогнал тучи атлантической и заатлантической антисоветской непогоды. Успехи Советского Союза, скрыть которые уже не было никакой возможности, разрушили стены лжи и дезинформации. Мелодичные сигналы наших спутников Земли оказались

сильнее хора тысячеустой антисоветской пропаганды. Эти сигналы услышал каждый, кто хотел слушать. Последовательная борьба за мир, за предотвращение чудовищной угрозы атомной войны, наконец, односторонний отказ Советского Союза от испытаний атомного и водородного оружия — все это идет к людям Запада, как солнечный луч Востока, под воздействием которого рассеивается одурманящий туман антикоммунизма и антигуманизма.

Слишком долго терпели из Запада ложь, слишком часто верили ей, и когда она наконец обнаружилась, стремление людей Запада к возвращению правды прорвалось с небывалой силой. Нас еще мало знают. О нас думают порой наивно, порой неправильно. Но узнать больше и лучше о происходящем «восточных чудес» хочет почти каждый. В этом я убедился во время недавнего пребывания в Лондоне, встречаясь с представителями интеллигенции.

* * *

В Лондоне мне пришлось быть впервые. Впитывая новые впечатления, зная по прежним поездкам мысли и настроения интеллигенции западных стран, я стремился из множества встреч и разговоров, из просмотра спектаклей и фильмов понять какие-то основные, главные, определяющие настроения и закономерности. Я пришел к выводу, что характерными для людей, умеющих думать, являются два процесса: усиливающаяся неудовлетворенность — в широком смысле этого слова — окружающей действительностью и растущий интерес к тому, что происходит в нашей стране. Эти процессы развиваются параллельно. Чем больше Запад поставляет профессиональных хулителей социалистического Востока, тем больше появляется там людей, для которых страстное стремление к познанию истины становится своего рода второй жизненной профессией. Интерес к новому миру усиливается вместе с ростом разочарования в старом.

Капитализм не может уже воодушевить честного интеллигента и подлинного художника на какой-либо творческий подвиг. С необычайной наглядностью подтверждается старая истина Маркса: капиталистический строй враждебен художественному творчеству, поскольку он вдохновение художника, как и всякую ценность, стремится превратить в товар и источник прибыли. Люди, связанные с искусством, чувствуют это на каждом шагу. Уровень духовной культуры на Западе резко упал и продолжает падать. Стремясь сохранить духовное господство над народом, капитализм довел процесс изготовления и распространения своей идеологической продукции до высокой степени механизации и технического совершенства. Пресса, радио, телевидение, кино — все это используется для затуманивания сознания и развращения чувств. Островки подлинной культуры передко гибнут среди моря пошлого чтива, дергающихся ритмов джаза и пижонробных зрелищ.

Современный бизнесмен напоминает вандала, хладнокровно уничтожающего культурные ценности древнего Рима. Размеры дивиденда для него определяют все. Если банк заплатит больше, значит банк нужнее театра, значит надо сносить театры и музеи и строить банки. Такова циничная логика бизнеса.

Снижение уровня духовной культуры связано, конечно, не только с подобным прямым походом против ее ценностей и очагов, созданных в прошлом. Отсутствие положительных идеалов, способных питать культуру и воодушевлять художников, все еще связанных с капиталистической системой, приводит к сероости и мелкотемью в реалистическом искусстве, заставляет копаться в грязных закоулках быта, порождает настроения безысходности и пессимизма. Многие художники вообще уходят от жизни и ее проблем в область абстрактного искусства или прямой бульварщины.

Разрушающее влияние оказывает сама система организации творческого труда, насквозь пропитанная духом коммерческого предпринимательства. Она глушит творческие возможности людей, сковывает их инициативу, превращает чудесную способность человека увлекать других живым творчеством и его ре-

зультатами в некое подобие бездушно и безостановочно действующего духовно-производственного конвейера. Такая система особенно гибельно сказывается на театре.

Мне пришлось беседовать со многими видными английскими актерами и режиссерами. Они любят театр, отдают ему много сил, а их профессиональная натренированность могла бы служить примером для многих советских актеров. И вместе с тем меня поразила духовная и творческая усталость театральных деятелей Лондона.

Искусство не терпит стандарта и однообразия. Живая душа актера расцветает, когда богатство его жизненных впечатлений находит воплощение в богатстве и многообразии исполняемых им образов. Обречь актера на исполнение одной роли — это все равно, что накрыть стеклянным колпаком растущее дерево, лишив его общения со свежим ветром, живым солнечным лучом, всем, что составляет окружающую среду и, значит, жизнь.

Между тем современный капиталистический театр представляет собой нечто подобное такому стеклянному колпаку для актеров. Театр как творческий ансамбль, объединенный определенными художественными принципами, ушел в прошлое, он слишком дорог для частного предпринимателя. Театральный коллектив создается каждый раз заново вместе с постановкой новой пьесы. Людей набирают ровно столько, сколько персонажей в произведении. Успех постановки превращается в несчастье для ее участников, ибо в течение многих месяцев, а иногда и лет им приходится на одних и тех же подмостках играть одну и ту же роль. Странная закономерность состоит в том, что долголетие получают отнюдь не лучшие произведения. Испорченный и развращенный низкопробными зрелищами, средний зритель на Западе тянется прежде всего к произведениям легковесным и художественно убогим: детективам, фарсам, незатейливым комедиям, ревю. Я видел в Лондоне афишу, которая рекламировала пошлый детектив, идущий на сцене без перерыва пять с лишним лет.

Даже далекому от театра человеку легко себе представить положение актера, который без малого шесть лет ежедневно, кроме воскресений, произносит одни и те же слова и делает одни и те же жесты! Актер превращается в марионетку, в живую машину. Какое уж тут творчество...

* * *

Безысходность, безнадежность, упадок. Я ощущал все это, когда смотрел в Лондоне современную пьесу «Дом у озера». В ней один родственник убивает другого на почве коммерческого соперничества; муж стремится умертвить жену, ставшую свидетелем его преступления. Жизнь показана как мрачная, бесконечная ночь без света и радости. Появление в критический момент сыщика, разоблачающего виновника убийства, отнюдь не вносит мотивов оптимизма в существование этой семьи, окутанной атмосферой преступлений и фальши.

Безысходный пессимизм спектакля нельзя считать случайным. Мне пришлось прочитать за последнее время ряд английских и американских пьес. Если автор ставит перед собой задачу хоть сколько-нибудь серьезно отразить действительную жизнь, его произведение приводит к трагическому финалу.

Критический реализм решительно преобладает в серьезной литературе, драматургии и в тех театрах Запада, которые не окончательно погрязли в цинизме коммерческого расчета. Сами англичане недовольны состоянием своего театра, отмечают отсутствие драматургии больших масштабов, справедливо говорят, что современный реалистический театр на Западе не может подняться выше темы страданий и безрадостной судьбы маленького человека. Показывая тупики, в которые заходит жизнь человека, буржуазная драматургия не в состоянии найти путь в лучшее будущее. Именно поэтому она ограничивается бытоописательством, боится смелых обобщений, не может посмотреть в глаза большой правде.

Как учреждение общественное, театр находится в прямой связи и зависимости от общественных порядков своего времени и является довольно чутким

барометром политической погоды. Я пытался уяснить позицию людей, близко связанных с театром и много им занимающихся. Мне хотелось понять их взгляды на будущее, понять, как укладывается в сознании интеллигентного англичанина вопрос о причинах и источниках пессимизма современной западной драматургии. Толкового ответа добиться не удалось. Одни объясняли сложившееся положение тем, что за пьесы берутся люди, слишком мрачно настроенные, но почему они так настроены — опять было неясно. Другие заранее предупреждали о сложности проблемы, которую даже «теоретик в себе марксистов» объяснить якобы не в состоянии. Третьи просто предпочитали ничего не объяснять — им, видимо, непривычно, а может быть, и невыгодно было докапываться корней и причин тех явлений, которые говорили о неустойчивости и трудностях жизни. Во всяком случае, все довольно дружно повторяли, что искусство стоит вне политики. Конечно, все это были англичане, далекие от нас по мировоззрению.

Нам ясно, что положение театра и вообще духовной культуры на Западе является отражением и выражением глубоких процессов распада, характерных для нынешнего этапа капиталистического развития. О театре я говорил только потому, что мне пришлось ближе познакомиться именно с этой стороной духовной жизни Запада. Постоянное чувство неудовлетворенности, мотивы обреченности и пессимизма, неуверенность в завтрашнем дне и страх перед будущим можно отметить среди интеллигенции самых различных отраслей деятельности.

Бесперспективность буржуазного образа жизни, отсутствие у господствующего класса сколько-нибудь высоких целей и идеалов, понятных народу и способных зажечь в нем пламя надежды, экономическое загнивание империализма и распад созданной им колониальной системы, непрерывный рост вооружений и использование угрозы войны как орудия внешней и внутренней политики — все это определяет в конечном итоге и состояние культурных институтов западного общества. Однако то обстоятельство, что в Англии в силу ряда исторических сложившихся условий классовая борьба трудящихся не вполне соответствует темпам экономического спада, порождает у интеллигенции леность, пугливость и незрелость мысли. Странно было наблюдать, как мысль, заключенная в клетку традиций и установившихся представлений, постоянно укрепляемых и поддерживаемых буржуазной пропагандой, бесспльно плетется на месте и как в результате бесплодные изыски с серьезным видом дают объяснения, которые скорее можно было бы ожидать от наивного ребенка. Выше определяет сознание, но сознание все еще далеко отстает от бытия.

Одни из видных лондонских режиссеров пытался убедить меня в преимуществах западной театральной системы над нашей, советской. Он рассуждал по-своему логически. Постоянная угроза лишиться работы, поскольку для каждой новой пьесы труппа набирается заново, подхлестывает, дескать, английского актера, заставляет его много работать над ролью, чтобы обогнать конкурента, обеспечивает высокую степень профессиональной подготовки. А в Советском Союзе, говорил мой собеседник, актер, по существу, государственный служащий с гарантированной заработной платой. И это порождает якобы его самоуспокоенность, пренебрежительное отношение к своему творческому развитию.

Этот режиссер, известный всей театральной Англии, десять лет руководил знаменитым в свое время Шекспировским мемориальным театром. Он ушел оттуда, убедившись в том, что его усилия не могут обеспечить дальнейший прогресс театра, переживающего трудный период застоя. Сейчас этот режиссер репетирует пьесу с новой труппой, причем ему обещали, в случае удачи, гастроли в Нью-Йорке.

Сама жизнь этого человека, которому так и не удалось осуществить большие творческие идеалы, должна была, казалось, отолкнуть его от системы капиталистического предпринимательства. Пока что он ее защищает, хотя и терпит неудачи. Привыкнув к мысли, что единственным стимулом деятельности может быть погоня за материальным успехом, он с трудом понимал такие преимущества нашей системы, как социалистическая сознательность людей, как широкая общественная поддержка подлинных талантов, как естественный процесс всесторон-

него роста каждого человека в обществе, которое само непрерывно растет и движется вперед. В конце концов наш спор привел к постановке важного вопроса, над которым мой собеседник не мог не задуматься: почему буржуазный строй с его системой экономического подхлестывания приводит культуру к упадку, а наш советский строй, обеспечивающий твердый жизненный уровень творческих работников, находит стимулы для постоянного роста культуры?

Такой вопрос неизменно возникает перед каждым непредубежденным англичанином, побывавшим в Советском Союзе или соприкоснувшимся с творчеством приезжающих в Лондон советских коллективов. В статьях о нашем искусстве английская пресса не прочь покритиковать нас за «старомодность», за излишнюю верность реалистическим традициям. Однако английские критики не могут не признать высокий уровень советского искусства, его творческую целеустремленность и содержательность, его заразительную жизнерадостность, вызывающую волнение и подъем в зрительном зале. Подобные эмоции возникают только тогда, когда искусство верно жизненной правде и живет идеями, волнующими народ. Сопоставление двух культур заставляет людей думать, искать причины, порождающие уверенную поступь искусства у нас и постоянную тенденцию к упадку у них. И как бы ни хотелось иным уклониться от выводов,— эти выводы напрашиваются поневоле.

Это приводит к дальнейшему, сопоставлений, внутренних вопросов и поисков, это желание узнать правду о социалистическом Востоке является на Западе одной из главных примет нашего времени. Соревнование двух миров, двух систем накладывает свой отпечаток на жизнь и раздумья среднего человека на Западе. И наше решительное наступление на всех фронтах экономики и культуры, наступление сугубо мирного характера, каждый наш успех в строительстве новой жизни ускоряют указанный процесс, определяют тот ответ, к которому постепенно приходит каждый думающий человек.

Пока же идут споры. В Лондоне мне пришлось вести спор по поводу пессимизма английского и оптимизма советского искусства. Одни из виднейших английских театральных критиков в газете «Санди таймс» недавно писал: «Советский театр проповедует оптимизм, который иногда кажется мне наивным и излишним; именно по этой причине на советской сцене появляется так мало хороших новых пьес». С этим же критиком мы долго беседовали о принципиальной разнице в подходе к явлениям жизни у нас — в мире молодости и у нас — в мире дряхлости. Это, в конце концов, разница мировоззрений двух классов — восходящего и уходящего. Но спор, конечно, проходил в рамках искусства. Мой собеседник настойчиво спрашивал: является ли оптимизм обязательной чертой каждой новой современной советской пьесы?

Наивность вопроса говорит о том, как трудно англичанину, пропитанному всеми предрассудками жизни, идеологии, понятий, привычек буржуазного общества, понять то существенное и основное, что отличает нашу общественную жизнь от английской. Скептицизм в отношении возможностей и перспектив развития современного буржуазного Запада, одним из наиболее ярких проявлений которого было, пожалуй, творчество такого выдающегося англичанина, как Бернард Шоу, этот скептицизм составляет как бы сердцевину нынешнего мыслящего человека на Западе. Человек пока не может уйти от него, в всякое проявление оптимизма, уверенности, яркой надежды кажется ему искусственным, надуманным и воспринимается им как своего рода слабость, допускаемая во имя выполнения «обязательного советского социального заказа».

Жизнь многообразна, отвечал я своему собеседнику, и она порождает многообразие искусства, многообразие его жанров. У нас возникают пьесы и комедийного и трагедийного жанра. Но наши произведения отличаются одним качеством: они действительно оптимистичны, и в этом их огромное преимущество, а не слабость, по сравнению с современным искусством Запада. В этом их сила, в этом секрет их воздействия на зрителей. Мы строим новый, лучший мир. Мы уверены в завтрашнем дне. Наш взгляд на будущее радостное, светлое. Поэтому даже трагедия звучит для нас оптимистически. И именно поэтому в нашей дра-

матургии рождаются новые жанры, восстанавливающие традиции Ренессанса, традиции Шекспира, который в своих трагедиях умел показать светлое, жизнеутверждающее начало, отражавшее зарождение нового гуманистического мировоззрения, возникавшего на обломках феодального мракобесия и схоластики.

Поэтому оптимизм нашего театра — явление не надуманное, а естественное, органичное: он отражает жизнелюбие и жизнеутверждение, свойственные советскому народу. Мы поэтому и у классиков ищем свойственное им оптимистическое начало, ибо классики умели не только отрицать настоящее, но и с надеждой смотреть в будущее. В последнем сезоне, в театре «Олд вик» в лондонской, много пишет о двух взглядах, двух подходах к Чехову. Популярность Чехова на Западе необычайна, и она все время растет. Его пьесы ставят все крупные театры мира. Западный буржуазный театр пытается искать в Чехове поиски безвременья, умыкого лирика, меланхолически наблюдающего гибель вишневых садов дворянства и крушение несбыточных надежд интеллигенции. Мы же воспринимаем Чехова как страстного отрицателя современных ему порядков дворянской России, неутомимого борца против мещанства во всех его видах и человека, с надеждой встречавшего завтрашний день России.

Мы находим оптимизм у Чехова, А они даже у Шекспира — великого жизнелюбца и гуманиста — ищут скептицизм, неверие в людей и мрачный взгляд на жизнь. Такое впечатление осталось у меня, например, после просмотра последней постановки шекспировской «Бури» в театре «Дрюри-Лейн».

Мы можем и дальше спорить по поводу проблем интерпретации классиков на сцене, по поводу тенденций развития современной советской и западной драматургии. Однако сами споры являются свидетельством интересных и глубоких процессов, подтверждением раздумий интеллигенции, о которых говорилось выше. Мне эти споры кажутся плодотворными, полезными и обнадеживающими в том смысле, что рано или поздно наши точки зрения будут сближаться.

Перед лицом подобных споров и раздумий, в период растущих мира тяги английской интеллигенции к сближению с Советским Союзом и к развитию культурных контактов между двумя странами официальные круги Лондона явились, мягко выражаясь, сдерживающим началом. Успех приезжающих в Англию советских творческих коллективов и отдельных исполнителей сопровождается радостью приверженцев английской политики, а скорее смущал их. Одно время английские участники НАТО в вопросе о культурных связях с Советским Союзом стремились перещеголять самих руководителей этого блока. Там или переговоры о культурной подвижности, а здесь, в Лондоне, официальные представители упрямо твердили, что, например, гастроли Московского Художественного театра в английской столице есть частное дело антрепренера и правительственные круги никакого отношения к этому не имеют.

В Лондоне мне задавали множество вопросов о приезде наших деятелей искусства, о поездке в Москву английского балета и Шекспировского мемориального театра, о перспективах культурного обмена между нашими странами. Все приходили к мысли о целесообразности введения планового начала в это дело и к подготовке соответствующего соглашения. Но все эти вопросы повисали в воздухе, а пока что даже Художественному театру, уже подписавшему контракт, предлагались такие сценические условия, которые значительно ухудшали возможность показа в Лондоне подлинного искусства МХАТа.

Положение значительно изменилось после подписания конвенции о культурных связях между СССР и США. Пример «старшего партнера» заставил официальные круги изменить свою позицию. Британский совет культурной связи с СССР начал принимать активное участие в организации гастролей МХАТа. С помощью Британского совета была найдена возможность предоставить нашему театру одну из лучших лондонских сцен. Быстро продвинулось решение многих практических вопросов поездки МХАТа. Был решен вопрос о гастролях Украинского танцевального ансамбля, который, как известно, был встречен рядовыми англичанами в высшей степени доброжелательно. Решаются и другие вопросы культурного обмена.

По моему мнению, многие трудности в развитии культурных связей между СССР и Англией были бы легко преодолены при наличии определенной конвенции, которая внесла бы плановое начало и ясность в перспективы взаимного культурного обмена. Жизнь требует для этого дела твердых организационных основ, ясности перспектив. Будем надеяться, что правительственные круги Великобритании не останутся глухи к требованиям жизни и запросам английского общества.

* * *

Пока теоретики и политические деятели спорят, западная публика уже решила для себя, что вместе со свежим ветром в политике, вместе с успехами и облаком техники с Востока идет что-то новое, доброе и высокое по мастерству также и в искусстве. Мои наблюдения показали необычайный интерес в Лондоне ко всему, что приходит из Москвы. Искусственные спутники Земли быстрыми перевозят в мозгах и представлениях многих людей Запада. Туман лжи и обмана, которым было прикрыто все, что делалось в нашей стране и других социалистических странах, в последние месяцы начал рассеиваться с необычайной быстротой.

В одной английской семье я познакомился с мальчиком лет десяти. После вежливого реверанса мальчик прежде всего спросил, а сколько ступеней было в ракете, которая подняла второй большой советский спутник так высоко над землей. Даже в детское сознание проникает тема о советских технических успехах, заставляет думать, отражая то, над чем давно задумываются взрослые.

Со спутником я встретился и в лондонском цирке. Шла международная программа, в которой принимали участие и советские артисты. В апофеозе все участники в парадных костюмах выстроились в форме каре. Посредине высился Атлант, могучие плечи которого поддерживали огромный земной шар. А вокруг Земли летал наш советский спутник, по-цирковому нарядный и блистающий, заслуженно принимавший бурные аплодисменты восхищенных зрителей.

Много себе серьезное впечатление на рядового англичанина произвело постановление Верховного Совета СССР об одностороннем отказе от испытаний атомного и водородного оружия. Надо понять положение людей, над головами которых день и ночь жужжат чужие самолеты с грузом водородных бомб, вызывая тревогу, смятение, мрачные сновидения приговорившейся катастрофы. Решение Советского государства воспринимается простыми людьми Запада как новый луч надежды, как проявление подлинной заботы советского правительства о мире и счастье для всех людей мира.

Умная, полная неутомимой инициативы и смелости борьба нашей страны за мир, за технический прогресс, за рост благосостояния населения производит на простых людей и интеллигенцию Запада неотразимое впечатление. Можно отметить в самом отношении к Советскому Союзу, в росте его престижа и в доверии к его политике определенные изменения. Все эти вопросы повисали в воздухе, а пока что даже Художественному театру, уже подписавшему контракт, предлагались такие сценические условия, которые значительно ухудшали возможность показа в Лондоне подлинного искусства МХАТа.

Контакт и взаимопонимание между интеллигенцией различных стран, несомненно, будут расти по мере того, как все больше и больше правды с Востока станет проникать во все концы земного шара. Интерес к русской культуре усиливается не только в Англии. Он обнаруживается в самых различных и часто очень далеких странах. Передо мной большое письмо из Соединенных Штатов. Преподаватель университета города Майами (штат Флорида) сообщает о намерении университетского театра поставить «Чайку» Чехова. Он просит прислать материалы для выставки, которую участники спектакля хотят подготовить к премьере. Преподаватель пишет о «восхищении и огромном уважении, которым Московский Художественный театр пользуется в Соединенных Штатах». Он надеется, что растущий культурный обмен между советским и американским народами положит университетской молодежи ближе и лучше узнать достижения советской культуры. Письмо проникнуто глубоким уважением к нашей стране и горячим желанием установить с нами дружеские связи.

И вот другое письмо. Оно пришло из далекого города Вулаваньо, находящегося в Южной Родезии. Любительский театр этого города впервые ставит ту же «Чайку» после того, как там успешно прошла премьера «Вишневого сада». К нам снова обращаются за творческой помощью. Африканский корреспондент говорит о величайшем восхищении, с которым встречает публика произведения русских драматургов. Он сожалеет, что в Южной Родезии еще мало знают о русской культуре, и надеется на установление более постоянного творческого контакта.

Читая эти письма, слышишь голос времени. Стремление народов к культурному обмену, как и желание узнать правду о Советском Союзе, непреодолимо. Кое-кто на Западе все еще может сопротивляться расширению культурных контактов с социалистическим Востоком, но игнорировать стремление к познанию правды о нем уже нельзя. Наша страна указывает людям всего мира новые пути — путь к миру, к преодолению опасности атомной войны, невиданному развитию техники, использующей в мирных целях энергию атома, пути создания культуры, служащей народу, помогающей его борьбе за счастливую жизнь, отражающей его уверенность в завтрашнем дне.

Далее в своем письме к Бертрану Расселу, опубликованном в английском журнале «Нью стейтсмен», а также в журнале «Международная жизнь», все еще твердит о незыблемой «вере» Запада, которую он стремится нарядить в словесные одежды миролюбия и «отказа от силы и насилия». Он пытается даже убедить общественное мнение в необходимости отказа «по крайней мере от части советской коммунистической веры для достижения того мирного результата, к которому стремятся лорд Рассел и все другие миролюбивые люди».

Вот уж подлинный пример пустой словесной пропаганды, находящейся в полном противоречии с делами правящих кругов Соединенных Штатов. Реакция официальных кругов США на постановление Верховного Совета СССР об одностороннем прекращении экспериментальных ядерных взрывов еще раз показала всему миру подлинный характер «миролюбия» Даллеса и всех, кто с ним. Миролюбие — на словах, продолжение ядерных испытаний — на деле. Что может быть нагляднее? Имеющий глаза — да видит, имеющий уши — да слышит!

На Западе многие представители интеллигенции все еще мечутся между двумя берегами. Но они все больше отрываются от буржуазного берега, все больше отказываются от буржуазной веры. А то, можно сказать, видят наш берег, походить по нашей земле, нередко получают новую ориентировку. У них рождается уверенность, что будущее мира не потеряно и хороший завтрашний день придет. Время работает на нас, и число тех, кто поворачивает к нашему берегу, с каждым днем возрастает и будет возрастать.